

К ВОПРОСУ О ЧЕРНИГОВСКОМ ОСТРОГЕ

В исторической литературе и многочисленных публикациях последних лет достаточно однозначно высказывается мысль о том, что древний Чернигов состоял из детинца, окольного града, предгородья и подола. Она же находит свое подтверждение в летописных источниках и планах Чернигова XVIII – XIX вв.

Однако, при ответе на вопрос, что такое острог, упомянутый в летописях под 1094 и 1152 годами, и где он находился, возникают разногласия.

Слово «Острогъ» переводится как ограда, частокол, palisady¹. Исторические источники, часто изображают остроги городов в виде недостроенных укреплений городских районов. Однако, встречаются описания острогов и в виде стационарных завершенных оборонительных сооружений, размещенных около города: «Бе же острог утвержден около града крепок тын дубов, а за тем два оплота, и межи ими вал ссыпан...»².

Впервые Черниговский острог упоминается под 1094 г. в связи с его неудачным штурмом половцами³. Второй раз – под 1152 г., когда был взят половцами, но, по сообщению летописи, Изъяслав Давыдович повелел до штурма всем людям покинуть острог и бежать в детинец⁴. Если предположить, что острог 1094 и 1152 годов располагался в одном и том же месте⁵, то, судя по данным летописи, он находился за оборонительными сооружениями детинца, имел достаточно серьезные фортификационные сооружения и ограждал территорию, заселенную не позднее X – середины XI вв., и жизнь на этом участке должна была продолжаться как минимум до середины XII в.

В исторической литературе XVIII – XIX вв. вопрос об остроге вообще не затрагивался, планы города и крепости также не дают на него ответа. Слабая изученность культурного слоя древнего города не позволяла и в XX в. однозначно определить местонахождение острога.

Исследователи первой половины XX в., анализируя летописные известия, пытались отождествить острог с окольным градом и его отдельными частями. Первым ответить на вопрос, где располагался острог, попытался П.И. Смоличев. Он в 1928 г. посвятил обзору Черниговских древностей статью, в которой отождествил острог с частью окольного града⁶. Эта мысль была поддержана Б.А. Рыбаковым в монографии, посвященной древностям Чернигова: «древний острог XII в. шел примерно там, где был насыпан внешний вал Чернигова в XVII в.»⁷ В.А. Богусевич тоже отождествлял с острогом окольный град⁸.

Исследователи конца X в., учитывая результаты широкомасштабных археологических исследований на территории окольного града, приходят к выводу, что нет оснований отождествлять острог с окольным градом и пытаются разместить его в различных частях города. В.И. Мезенцев высказал мысль о том, что «острог» 1094 г., вероятно, отражал начальную стадию формирования третьего района верхнего города, а «острог» 1152 г. – «передгородье»⁹. По мнению В.П. Коваленко, острог 1094 г. представлял собой территорию, прилегавшую к окольному городу и огражденную с севера рвом, зафиксированным А.А. Карнабедом в районе пересечения улиц Коцюбинского и Пятницкой. В то же время, по его мнению, острог 1152 г. расположен несколько севернее предыдущего и ограничен оборонительными сооружениями в виде рва, зафиксированного на углу улиц Пятницкой и проспекта Победы¹⁰. Как свидетельствуют исследования последних лет, упомянутые неглубокие рвы имели локальное значение и, вероятно, ограждали богатые усадьбы XII – XIII вв.

Кроме упоминаний острога под 1094 и 1152 гг., имеются сведения об остроге второй половины XVII в., которые содержатся в «Росписных списках» Черниговской крепости 1682 и 1701 гг., выявленных и опубликованных С.А. Половниковой и В.А. Харламовым¹¹. В них, кроме описания самой крепости и ее детинца – «малого верхнего острога», содержатся материалы об остроге, расположенном у подножия самой крепости. В «Росписном списке» 1682 г. отмечено: «Нижний острог стоячей, где живут старые осадные сидельцы. Ставлен острог в одно бревно, осиновыми бревнами... И тот острог весь ветх и во многих местах повалился»¹². В остроге одни «проезжие» ворота названы Киевскими, а вторые – «те, что со стороны Стрижня»;

упомянуты две башни, калитка, а также калитка в городской стене возле башни, которая вела в нижний острог. На карауле в остроге на двух башнях стояло по 5 человек, у «проезжих» ворот 4, у калитки – 6¹³. На территории острога находились почтовый и кружечный дворы, избы для караула и гонцов, сарай пятнадцати сажени, казенная кузница возле моста¹⁴.

В «Росписном списке» 1701 г. «Острог соснового лесу, в нем двои ворота да калитка, по мере кругом ево 232 сажени, в высоту 2 сажени, без обломов»¹⁵. «В нижнем остроге: На кружечном дворе изба... Три избы воеводские крыты дранью. У Киевских ворот житница»¹⁶. Таким образом, острог 1701 года был сооружен из сосновых бревен, в то время, как в 1682 г. – из осиновых.

В Малороссийских приказах 1680 – 1681 гг. есть дело о постройке острога в Чернигове¹⁷. Вероятно, нижний острог был перестроен в конце XVII в., после чего сведений о башнях нет. По-видимому, они были разобраны, так как нижний острог постепенно утратил свое стратегическое значение, о чем свидетельствуют сведения о нижнем остроге, приведенные в описи города Чернигова и крепости, составленных в 1706 г. для князя Дмитрия Голицына. «Нижний острог соснового лесу, где живут великого государя ратные люди ветх и во многих местех розвалился, в остроге двои ворота да калитка к воде»¹⁸. Указана максимальная длина стены острога – 84 сажени, ширина – 51 сажень.

¹ Авторы выражают глубокую благодарность заведующей отделом Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского С.А. Половниковой за предоставленные неопубликованные материалы.

Как следует из «Росписных списков», нижний острог XVII в. по площади почти в 4 раза превышал верхний, из-за чего последний именовался малым. Нижний острог, вероятно, в то время окружал обводненный ров. Подтверждением этого предположения может служить упоминание о кузнице, которая стояла у моста на территории острога. Река Стрижень протекала возле острога с востока и юга в непосредственной близости от него. Вполне вероятно, что воды реки могли быть отведены в ров, который окружал острог. Необходимо отметить, что более поздних «Росписных списков» или иных материалов, содержащих сведения об остроге, как оборонительном сооружении, до сих пор не обнаружено.

На самом древнем из сохранившихся планов Чернигова – «Абрисе Черниговском» 1706 г. на месте острога расположены кварталы жилой застройки, обнесенные палисадом и названные Солдатской Слободой¹⁹. Она занимает площадь несколько большую, чем острог XVII в. Нижний острог не упомянут и в историческом и топографическом описаниях Чернигова А. Шафонского. Территория, расположенная под детинцем, названа им Московской Слободой, а та, что под горою тянется от Екатерининской церкви до Елецкого монастыря – Подолом или нижним городом²⁰. Как следует из топографических материалов, застройка Солдатской Слободки и Подола слилась только в конце XVIII в.

На территории Солдатской Слободы до 80-х гг. XX в. значительные земляные работы, а также археологические исследования не проводились, что не позволяло ответить на вопрос: линии укреплений средневекового острога возводились на новом месте или создавались на старой основе.

Первые значительные земляные работы на этой территории были проведены в 1980 г., к сожалению, без согласования и участия органов охраны памятников археологии. Возле гавани, под зданием речного порта был вырыт котлован, площадью свыше 500 кв. м и глубиной более 3 м. Грунт из котлована вывозился баржами вниз по течению р. Десны и выгружался на берег в нескольких пунктах за пределами городской черты, где ранее не фиксировался культурный слой.

При обследовании стенок котлована сотрудниками Черниговского исторического музея и Национального архитектурно-исторического заповедника было зафиксировано, что культурный слой залегал на глубину 1,5–3 м, в верхней части он содержал находки XVI–XX вв., в нижней – древнерусского времени. На месте выгрузки культурного слоя в течение многих лет после половодий собирался подъемный материал²¹. Собранные сотрудниками музея и заповедника – А.В. Шекуном и А.А. Карнабедом, попало в фонды этих организаций, найденное кладоискателями попало в частные коллекции и практически недоступно для исследователей.

В фондах Черниговского исторического музея имени В.В. Тарновского (далее ЧИМ) хранится значительная коллекция находок из разрушенного культурного слоя: сборы 1981–1984 гг. составляют коллекции индивидуальных находок № Арх. 82–117, В. арх. 3 – (108 744)/8; сборы

1985 г. – Арх. 48 а (1 116)/40 (всего 789 индивидуальных находок). Керамический материал (В. арх. 3 (1 107)/8) насчитывает 107 единиц хранения. В фондах Национального архитектурно-исторического заповедника «Чернигов Древний» (далее НАИЗ) хранятся коллекции № КП 551 (50 ед. хранения), № КП 1134 (122 ед. хранения). Из них 142 индивидуальные находки и 30 фрагментов керамики.

Отдельные находки, как правило, самые яркие и показательные из этой части древнего Чернигова, хранящиеся в музейных и частных собраниях, опубликованы в различных изданиях²². Но сама коллекция, в целом, не исследовалась. Разнообразие и количественный состав находок позволяет только приблизительно оценить насыщенность культурного слоя этой части городской территории.

Хотя наиболее многочисленную хронологическую группу представляют вещи X – XIII вв., вещевой материал позднего времени также представлен в достаточном количестве.

Среди находок, обнаруженных при обследовании культурного слоя, есть две византийские монеты. Одна из них – Романа II (919–921 гг. и позже) (№ Арх. 114), вторая также датируется X в. (№ Арх. 115).

Сфрагистический материал представлен 4 печатями и 1 пломбой дрогичинского типа. Печать, диаметром 20 – 22 мм (№ Арх. 117) на лицевой стороне которой изображена человеческая фигура в полный рост с длинным крестом в правой руке и с княжеской шапкой на голове, а на оборотной – поясное изображение св. Николая Мирликийского с благословляющей правой рукой и кодексом в левой руке, принадлежит Святославу Ярославичу, княжившему в Чернигове с 1054 по 1073 г.²³

Три печати, хранящиеся в музее, атрибутированы как печати черниговских епископов²⁴ Печать (№ Арх. 84), диаметром 17–18 мм с изображением на лицевой стороне Иоанна Предтечи и многострочной русской надписью на обороте, по мнению В.П. Коваленко и А.А. Молчанова, принадлежит черниговскому епископу Иоанну, занимавшему кафедру в Чернигове в период княжения в городе Владимира Мономаха. Печать (№ Арх. 86), диаметром 22–26 мм с изображением на лицевой стороне Богоматери «Знамение», а на обороте – св. Феоктиста, принадлежит черниговскому епископу Феоктисту (1113–1123 гг.). Следующая печать (№ Арх. 87), диаметром 23 мм с изображением на лицевой стороне Богоматери «Знамение», а на обороте – фигуры святого в полный рост, принадлежит, по-видимому, одному из черниговских епископов первой половины XII в.

Еще одна печать из частной коллекции сильно потертая, диаметром 16–18 мм с поясными изображениями на лицевой и оборотной сторонах святых, датируется, скорее всего, первой половиной XII в.²⁵

Кроме булл, из этой части Чернигова происходят и свинцовые пломбы так называемого дрогичинского типа, время бытования которых приходится на XII – первую треть XIII вв. (учтено 6 экземпляров²⁶, в музейную коллекцию попала одна, диаметром 12 мм, на лицевой стороне – погрудное изображение бородатого святого, на оборотной – четырехконечный крест, № Арх. 85).

Церковная утварь представлена двумя фрагментами ручки от кадила-кацеи с рельефным изображением Христа Пантократора, с книгой в левой руке, правая сложена в жесте благословения (№ Арх. 116). Ручка, размерами 6,7 x 3,9 см и изготовленная из медного сплава, представляет собой пластинку с расширением в нижней части и круглым отверстием в верхней²⁷ Аналогичное изображение известно на ручках кацей из Изяславля, Галича и Херсонеса²⁸.

В коллекции учтены предметы личного благочестия, представленные крестами-тельниками, изготовленными из металла и камня.

Целый крестик, размерами 2,4 x 2,2 см с ушком 0,6 x 0,5 см, изготовленный из медного сплава, имеет утолщение на концах (№ Арх. 110). Часть креста из медного сплава (не сохранилась верхняя часть с ушком) (№ Арх. 108) имеет утолщенные профилированные концы и квадратное средокрестие. Аналогичные находки датируются XII – XIII вв.²⁹ Из свинца отлит крест со схематическим изображением распятия (№ Арх. 98). Верхняя его часть с ушком не сохранилась. Концы креста неровные.

Два креста-тельника вырезаны из пиррофиллитового сланца (№ Арх. 97 и Арх. 111). Первый из них изготовлен из серого, зернистой структуры сланца, с белыми вкраплениями, с дугами в

средокрестии (2,3 x 1,8 x 0,4 см), второй – четырехконечный, изготовленный из коричневого, зернистой структуры сланца с вкраплениями черного и розового цветов (2,8 x 2,2 x 0,7 см). Производство обоих типов крестиков зафиксировано на поселениях Овручского края³⁰.

Предметы личного благочестия представлены также крестами-энколпионами, хранящимися в частных коллекциях³¹. Среди них выделяется целый крест-реликварий (4,2 x 2,6 x 0,5 см) типа «Распятие (Христос перепоясанный) – Богоматерь Оранта с трехчастной короной». На лицевой створке – Богоматерь, на оборотной – Распятие; рельефы сильно стертые, обломаны верхняя петля лицевой створки и одна из верхних петель оборотной; поверхность обоих створок покрыта мелкими и частыми кавернами. Подобные энколпионы с нестандартным изображением (на лицевой створке – Богоматерь, на оборотной – Распятие) редко встречаются на Руси, происходят с нижнего Дуная и датируются X–XI вв.³²

Все остальные энколпионы изготавливались на Руси и относятся к IV группе (черневые), по Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой. Они представлены различными типами. К типу IV.4.6 – с закругленными концами с изображением креста и букв в медальйонах, относится оборотная створка, отлитая из медного сплава, размерами 6,0 x 5,0 x 0,3 см, которая датируется первой половиной XIII в. От черни остались только следы³³.

Оборотная створка энколпиона очень плохой сохранности изготовленная из медного сплава, размером 3,5 x 2,5 x 0,3 см, принадлежит к типу IV.6.1 (прямоконечные, миниатюрные, с изображением на лицевой створке Распятия, на оборотной – Богоматери Оранты), датируется XII в.³⁴ Изображение Богоматери только угадывается.

Тип IV.6.3 представлен целым энколпионом, прямоконечным, миниатюрным, отлитым из медного сплава с оглавием. Металл коррозирован, частично сохранилась чернь. На обеих створках изображение 4–конечного креста. Размеры 2,3 x 1,8 x 0,3 см. Датируется XII – первой половиной XIII вв.³⁵

Оставшиеся энколпионы не учтены в своде Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой. В отчете А.В. Шекуна отмечены находки двух створок энколпионов, отлитых из медного сплава. Одна из них (оборотная, размерами 2,1 x 2 см) принадлежит к типу IV.6.4 (прямоконечные, миниатюрные с 4 выступами в средокрестии с изображением креста на обеих створках) и датируется XII – началом XIII вв. Инкрустация серебром сохранилась фрагментарно. Вторая – лицевая створка прямоконечного миниатюрного энколпиона с заостренными выступами на углах (тип IV.6.5 с изображением крестов на обеих створках), размерами 2,1 x 1,8 см. Изображение креста не сохранилось. К этому же типу относится фрагмент оборотной створки плохой сохранности (длина не сохранилась, ширина 1,6 см), хранящийся в частной коллекции. Подобные энколпионы датируются XII – первой половиной XIII вв.

В коллекциях учтены два креста-тельника, отлитые из медного сплава, которые датируются XVIII – XIX вв. (ЧИМ, В. арх. 3 740/8 и НАИЗ, КП 1134/17).

Необходимо отметить находку иконки из слоновой кости, с погрудным изображением Христа Эммануила, хранящуюся в частной коллекции. Иконка размерами 2,6 x 1,5 см, прямоугольная в нижней части, в верхней – с арочным завершением. Коваленко В.П и Пуцко В.Г. датируют иконку последней четвертью XII в. и предполагают ее византийское происхождение³⁶.

Предметы вооружения представлены наконечниками копья, наконечниками стрел и алебардой (№ Арх. 91). Наконечник копья (№ Арх. 103) относится к типу III, по классификации А.Н. Кирпичникова³⁷. В отчете А.В. Шекуна учтен еще один наконечник копья III типа³⁸. В коллекцию ЧИМ попало три наконечника стрел, хотя известно их намного больше. Наконечники стрел следующих типов по А.Ф. Медведеву: остролистный без упора (тип 61, № Арх. 88), двурогий срезень с упором (тип 60, № Арх. 89) и шиловидный квадратного сечения без упора (тип 93, № Арх. 102)³⁹. Все перечисленные типы датируются широко – X–XIII вв. (тип 61) и X–XIV вв. (типы 60 и 93).

Предметы снаряжения всадника и коня представлены фрагментами удила и половиной шпоры. Шпора принадлежит к типу IV, по А.Н. Кирпичникову⁴⁰, с полуциркульным изгибом дуг и шипом в виде четырехгранной пирамидки (№ Арх. 48а – 98/40). Шпора украшена точечной серебряной инкрустацией. Подобные находки датируются XII – первой половиной XIII вв.

Интерес вызывает подковообразная фибула, с утолщенными концами, овального сечения с иглой в виде прямого стержня, основание которого расковано в плоскую пластинку. Она отлита из медного сплава и орнаментирована прямыми линиями (№ Арх. 92). Подобную форму

фибул исследователи считают прибалтийской и их распространение зафиксировано в западных и северо-западных областях Восточной Европы. Большинство находок на территории Древней Руси датируется XI- XIII вв.⁴¹

Среди иных находок, следует отметить железное писало, длиной 11,5 см, с лопаточкой в виде острореберного бокальчика (тип 6 по А.Ф. Медведеву, XII в.)⁴² (№ Арх. 48а–53/40); булавку из медного сплава с шарообразной головкой, (№ Арх. 93), датирующуюся по Новгородским аналогиям XIV -XV вв.⁴³ Подобные булавки известны по этнографическим данным и называются «пус йеппи», появление их специалисты связывают с проникновением на Русь моды, принесенной монголо-татарами. Кроме этого в коллекции есть литая из медного сплава пряжка с овальной передней частью и трапециевидным приемником для ремня, разделенная осью для крепления язычка и орнаментированная насечками (№ Арх. 107). По Новгородским аналогиям подобные пряжки датируются второй четвертью XII -XIV вв.⁴⁴ В коллекциях учтены 4 экземпляра ременных бляшек и один наконечник ремня.

Украшения из металла представлены тремя перстнями, изготовленными из медного сплава. Один круглощитковый, со сплошным фигурным переходом от щитка к кольцу (№ Арх. 106), датируется XII- XIV вв.⁴⁵ Второй – изготовлен из обломка криноконечного пластинчатого браслета с растительным орнаментом (№ Арх. 105). Подобные находки зафиксированы в Новгороде, Суздале, Белозерье в слоях XII в.⁴⁶ Третий – рубчатый (№ Арх. 48а – 89/40). В коллекциях есть также несколько типов пуговиц.

Значительную часть представляют украшения из стекла – фрагменты браслетов, перстней и бусы. Они заслуживают отдельной публикации. Однако для характеристики коллекции в целом необходимо сделать общие замечания. Стекланные браслеты – самая многочисленная категория находок из этой части культурного слоя древнего Чернигова. В коллекции ЧИМ учтено 419 фрагментов, в НАИЗ – 49. Они представлены, в основном, фрагментами черного цвета, но есть голубые, синие, фиолетовые, желтые, оливковые, и зеленые. По форме поперечного сечения – браслеты круглые, полукруглые, треугольные и плоские. Особо следует отметить три фрагмента от плоских широких синих браслетов, декорированных росписью желтого, зеленого и бордового цветов, по-видимому, византийского производства. Найдены также 6 фрагментов перстней (3 хранятся в ЧИМ, 3 – в НАИЗ).

В коллекции ЧИМ хранится 49 бус, в НАИЗ – 34. Среди них есть несколько экземпляров сердоликовых. Остальные изготовлены из стекла.

Предметы быта и хозяйственный инвентарь представлены изделиями из железа, кости и камня. Наиболее многочисленными среди них являются ножи. Учтено 54 целых и фрагментированных экземпляра. Кресала представлены двумя типами – овальными заостренными (2 экз.) и овальными (4 экз.). Первый тип бытовал в первой половине XII – первой половине XIV вв., второй – с середины XIII по начало XV вв.⁴⁷ Найдены ключи от навесных замков: тип А – 1 экз. (№ Арх. 48а–58/40), тип В – 1 экз. (№ Арх. 48а – 56/40) и от нутряных: тип 2 – 2 экз. (№ Арх. 48а – (54 55)/40) по Б.А. Колчину⁴⁸. Необходимо отметить находки обувных подковок. Хозяйственный инвентарь представлен 9 рыболовными крючками, 2 фрагментами серпов и оковкой лопаты. В отчете А.В. Шекуна учтена еще одна оковка лопаты и часть топора⁴⁹

Изделия из кости представлены рукоятками ножей, пуговицами, гребнями и многочисленными спилами из рога. По-видимому, в этой части города была косторезная мастерская. К сожалению, определить время функционирования ее не представляется возможным. Найдено 14 частей гребней: 4 от односторонних наборных, бытовавших в X- XI вв, остальные двусторонние, с частым и редким зубом, датирующиеся по новгородским аналогиям XI XII вв.⁵⁰ Среди последних учтен экземпляр наборного двустороннего гребня XII -XIII вв.

Изделия из камня представлены многочисленными оселками из песчаника, пирофиллитовыми пряслицами и отходами от их производства, а также грузилами. Пряслиц и их фрагментов в коллекции 23 экземпляра. Они по форме поперечного сечения делятся на биконические, боченовидные и шайбовидные. Особо следует отметить 4 фрагмента отходов производства от изготовления пирофиллитовых пряслиц (В. Арх. № 3 – (676 679)/8), вставку перстня из пирофиллита в виде трилистника (Арх. № 112) и поделку в виде головы зверя (В. Арх. № 3 – 675/8). Грузила (8 экз.) изготовлены из кусков пирофиллита, с просверленными отверстиями. На одном из них сохранилась часть поверхности, характерная для жерновов. Таким образом, для их изготовления использовали куски от сломанных больших изделий –

жерновов и, возможно, пирофиллитовых плит от гробниц. Кроме этого в коллекции есть и глиняные грузила.

Среди других находок следует обратить внимание на фрагменты оконниц (8 экз.) и кусочки смальты (10 экз.).

Кроме вещевого материала в коллекции ЧИМ и НАИЗ попали и фрагменты керамики. Керамика представлена несколькими хронологическими группами: X в., XI в., XII – первая половина XIII вв. (Рис. 2), вторая половина XIII–XIV вв. – XVI–XVIII вв. (Рис. 3). Среди керамического материала зафиксированы и несколько фрагментов амфор, часть светильника, фрагменты донышек с просмоленной внутренней поверхностью и отверстиями, применявшиеся в смолокурном производстве.

В 1982 г. к зданию речного вокзала прокладывались инженерные коммуникации, проходящие по территории бывшей Солдатской Слободы. Охранные работы по-прежнему не финансировались, а земляные и монтажные работы велись круглосуточно. Несмотря на эти сложности, представилась возможность провести стратиграфические наблюдения узловых участков траншей под коммуникации⁵¹.

Наибольший интерес вызвала траншея под теплотрассу (ширина 2,5 м, глубина 2–2,5 м), проложенная у подножия детинца от ул. Горького до Екатерининской церкви (Рис. 1. 1). От начала траншеи до конца улицы Подвальной в ее стенках культурный слой отсутствовал. Культурные напластования в южной стенке траншеи зафиксированы у дома № 19 по ул. Подвальной (ныне снесен) (Рис. 1. I). Они прослежены на участке протяженностью 37 м. Древнерусский слой мощностью 0,8–1,6 м начинался с глубины 1,3–1,5 м от современной дневной поверхности. В начале зафиксированного культурного слоя, на участке протяженностью 2,2 м отмечено заполнение сгоревшей, углубленной в материк постройки XII–XIII в. Через 10 м, на глубине 1,3 м, на участке протяженностью 2,4 м выявлены остатки наземной постройки XVI–XVII вв. Ближе к подножию вала мощность древнерусского слоя увеличивается до 1,6 м, а на расстоянии 21 м от начала древнерусских культурных напластований он выклинивается – начинается вал. У подножия вала зафиксированы заполнения двух построек, погибших в пожаре. Постройка, расположенная ближе к валу частично перекрывала находящуюся перед ней. В их заполнении встречены железоплавильные шлаки и керамика XI–XII вв. (Р

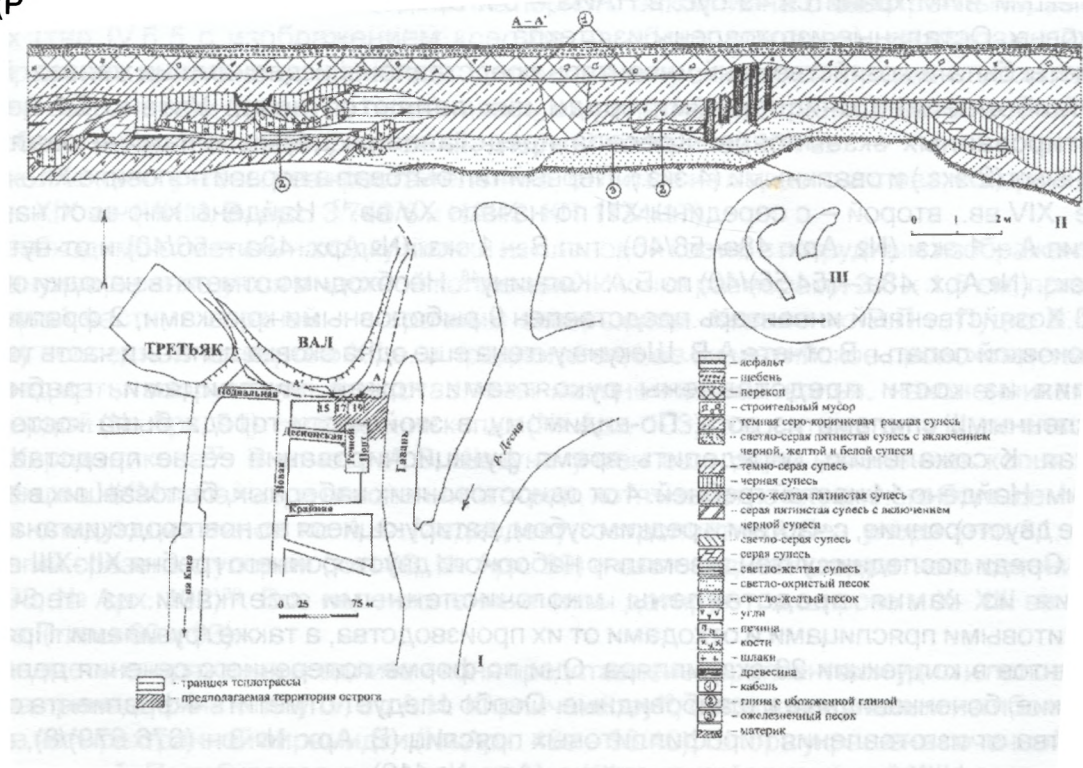
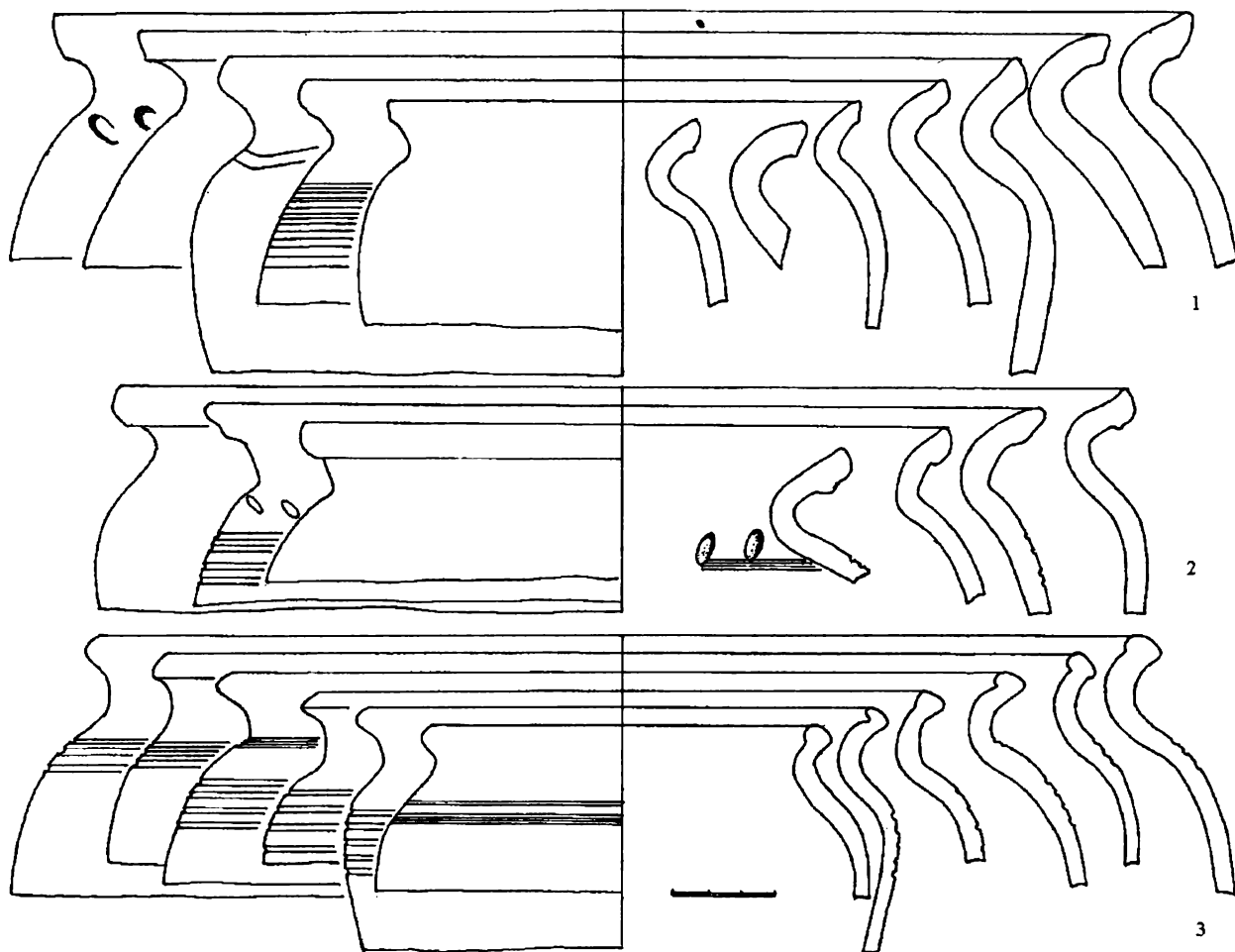

Рис. 1. Острок древнего Чернигова.
I. Схематический план расположения острога;
II. Разрез траншеи А – А'; III. Керамика из клетки X в.

Траншея разрезала вал почти перпендикулярно его оси. Вал возведен на материке, в основании он сохранился на высоту до 1,5 м. Его стратиграфия характеризуется сменой слоев супеси, а в его подножии находился светло-желтый и светло-охристый песок. В насыпи вала находок не обнаружено. В заполнении вала зафиксирован поперечный разрез клетки, длиной около 2,2 м, которая сохранилась на высоту 0,6 м. Она состояла из серой пятнистой супеси с включением черной супеси и угольков, а также тонкой прослойки глины с включениями печины, в которой выявлены обломки кружальной керамики X в. (Рис. 1. III). В заполнение клетки было впущено 4 вертикальных столба (сохранившийся диаметр древесины 0,2 м, длина от 0,5 до 1,2 м), которые прорезали основание клетки, пятый столб зафиксирован рядом с клетью. (Рис. 1. II). За валом находился ров, в сторону которого наблюдается падение слоев. Ширина рва прослежена на 3 м, глубина 1,4 м. На этих отметках склон рва и слои продолжают падение. Необходимо отметить, что падение слоев за границей вала наблюдается на участке около 10 м. В культурном слое на этих участках зафиксированы материалы XIX -XX вв., а также несколько поздних погребений в гробах.

В северной стенке траншеи также были зафиксированы впущенные в насыпь вала столбы диаметром 20 см. Однако они были смещены на 2 м в западном направлении по отношению к южной стенке траншеи.

Вдоль ул. Новой велись наблюдения по траншее водопровода. В ее стенках культурный слой отсутствовал – в верхних слоях зафиксированы речные наносы, под ними материк. В конце улицы траншея пересекала старое русло р. Стрижень, отмеченное на картах города XVIII в. Наблюдения велись и за аналогичной траншеей по ул. Крайней, расположенной параллельно ул. Подвальной. В ее заполнении – гумус, насыщенный древесной щепой, не содержащей археологического материала.

**Рис. 2. Керамика из котлована под здание речного порта:
1 – керамика X в.; 2 – керамика XI в.;
3 – керамика XII – первой половины XIII вв.**

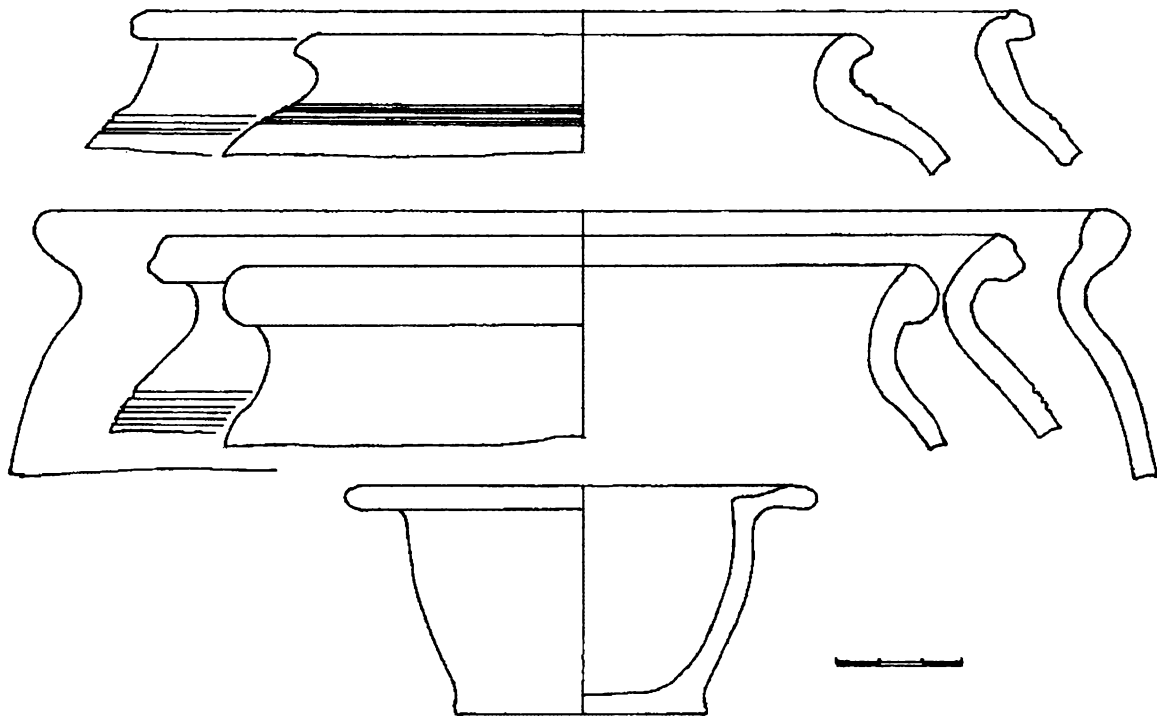

Рис. 3. Керамика второй половины XIII -XIV – XVI -XVIII вв. из котлована под здание речного порта.

Таким образом, как свидетельствуют материалы наших исследований и наблюдений за земляными работами, которые проводились в 1980 -1982 гг. у подножия детинца, эта территория из-за своего низменного расположения оказалась пригодной в древнерусское время для заселения только в границах, огражденных валом. Он выполнял роль, с одной стороны, фортификационного сооружения, с другой – дамбы в период весенних половодий.

Территория, заселенная в древнерусский период длинной осью примыкала к детинцу. Она частично была уничтожена после перекрытия р. Стрижень при сооружении гавани, позже периодически уничтожалась при укреплении ее берега. Кроме этого, как упоминалось выше, значительный участок уничтожен при строительстве здания речного вокзала. В настоящее время сохранилась только западная часть заселенной в древнерусское время территории. Таким образом, конфигурация оборонительных сооружений XVIII в., археологически прослеженная в виде вертикальных столбов, прорезавших древнерусский вал, отражает более древнюю планировку.

Результаты исследований нашли отражение в ряде публикаций, посвященных топографии древнего Чернигова. Возможно, они базируются на краткой характеристике работ, данной в «АО 1982 г.»⁵². В целом, суммарно их можно свести к двум точкам зрения: у подножия детинца в конце X в. возникает вторая линия укреплений вокруг детинца, служившая защитой части посада и гавани, расположенной в устье Стрижня⁵³ либо подола⁵⁴.

По нашему мнению, учитывая археологические и исторические материалы, имеются основания пересмотреть сложившиеся представления относительно места расположения летописного острога и его роли в оборонительной структуре города, а также времени его функционирования.

Как свидетельствуют материалы археологических исследований, проводимых на детинце в последние годы, уже в середине X в. его территория существенно расширилась в восточном направлении и вокруг нее были возведены оборонительные сооружения⁵⁵. Для защиты детинца с юга и расположенной в устье р. Стрижень гавани, во второй половине X в. у его подножия возводился острог на площади около 3000 кв. м. Его стационарные оборонительные укрепления представляли собой вал каркасной конструкции и ров, вероятно, заполненный водой.

Сопоставляя летописные данные об остроге 1094 и 1152 гг. с археологическим комплексом, выявленным нами у подножия детинца, есть все основания для их отождествления. Время функционирования острога на основании археологического материала может быть определено в рамках второй половины X- XIV вв.; середины XVI - начала XVIII вв.

- ¹ Старославянский словарь (по рукописям X -XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – С. 421.
- ² ПСРЛ. – Т. XXV. – М. Л., 1949. – С. 116.
- ³ ПСРЛ. – Т. I. – М., 1962. – Стб. 249.
- ⁴ Там же. – Стб. 338; ПСРЛ. – Т. II. – М., 1962. – Стб. 456, 457
- ⁵ Исследователи локализируют остроги 1094 и 1152 г. в разных местах города. Например: Мезенцев В.И. Древний Чернигов. Генезис и историческая топография города. // Автореф. дисс...канд. ист. наук. – К., 1981. – С. 19; Коваленко В.П. До вивчення чернігівського передгороддя // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995. – С. 43 – 44.
- ⁶ Смолічев П. Чернігів і його околиці за часів великокнязівських // Чернігів і Північне Лівобережжя. – К., 1928. – С. 127
- ⁷ Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. – № 11. – М. Л., 1949. – С. 13.
- ⁸ Богусевич В.А. Про топографію древнього Чернігова // Археологія. – Т. V. – К., 1951. – С. 122.
- ⁹ Мезенцев В.И. – Указ. соч. – С. 19.
- ¹⁰ Коваленко В.П. – Вказ. праця. – С. 44.
- ¹¹ Половникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. // Чернігівська старовина. – Чернігів, 1992. – С. 88 -95; Харламов В.О. Розписний список Чернігова 1701 р. // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995. – С. 91 -92.
- ¹² Половникова С.О. – Вказ. праця. – С. 89.
- ¹³ Там же. – С. 95.
- ¹⁴ Там же. – С. 91.
- ¹⁵ Харламов В.О. – Вказ. праця. – С. 91.
- ¹⁶ Там же. – С. 92.
- ¹⁷ Дело о постройке острога в Чернигове // Центральный архив древних актов. – Малороссийский приказ 1680 – 1681 г. – Ф. 229. – Оп. 4. – Стб. 158.– Л. 2 5, 41 42, 76, 78; Сведения для Голицына за 1606 г. // Центральный архив древних актов – Ф. 210. – Оп. 8. – Вязк. 37 – Д. 80. – Л. 1 5 с об.
- ¹⁸ Пляшко Л.А. Подорож до міста XVIII століття. – К., 1980. – С. 14, 32 -33; Чернігівщина. Енциклопедичний довідник / За ред. А.В. Кудрицького. – К., 1990. – Табл. XX-XIII.
- ¹⁹ Шафонський А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание (1786 г.). – К., 1851. – С. 244.
- ²⁰ Шекун А.В. Охранные работы в районе Черниговского подола в 1982 -1987 гг. // НА ІА НАНУ. – 1987/198. – С. 20- 34.
- ²¹ Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские печати и пломбы из находок в Чернигове // Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению. – Гомель, 1989. – С. 99-101; Коваленко В.П., Пуцко В.Г. Византийская резная иконка из Чернигова // СА. – 1990. – № 1. – С. 267-269; Коваленко В.П., Молчанов А.А. Печати черниговских епископов XI-XII вв. // 1000 років Чернігівській Єпархії. – Чернігів, 1992. – С. 55 58; Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // А. – 1993. – № 4. – С. 208 215; Коваленко В.П., Пуцко В.Г. Фрагмент бронзової кацеї з Чернігова // Археологічні старожитності Подесення. – Чернігів, 1995. – С. 83-86.
- ²² Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские сфрагистические памятники... – С. 210.
- ²³ Там же. – С. 212; Коваленко В.П., Молчанов А.А. Печати черниговских епископов... – С. 55 58.
- ²⁴ Коваленко В.П., Молчанов А.А. Древнерусские сфрагистические памятники... – С. 213.
- ²⁵ Там же. – С. 213-214; Коваленко В.П. Молчанов А.А. Древнерусские печати и пломбы из находок в Чернигове... – С. 101.
- ²⁶ Коваленко В.П., Пуцко В.Г. – Фрагмент бронзової кацеї з Чернігова – С. 83.
- ²⁷ Там само. – С. 84-85; Банк А.В., Залеская В.Н. Кацья XII века из Изяславля // У истоков русской культуры XII-XVII века. – СПб., 1995. – С. 81.
- ²⁸ Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997 – С. 349.
- ²⁹ Павленко С.В. Изготовление бусин, крестиков и образков из пиррофиллитового сланца на специализированных поселениях средневековой Овручской волости // Славяно-Русское ювелирное дело и его истоки. – СПб., 2006. – С. 147
- ³⁰ Веремейчик Е.М., Руденок В.Я. Древнерусские энколпионы из Чернигова // Символ в философии и религии: Тезисы докладов VI Крымской Международной конференции по религиоведению. – Севастополь, 2004. – С. 14.
- ³¹ Пескова А.А. Памятники культового литья Балкано-Дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности.–СПб., 2007 – С. 272, 279.
- ³² Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X-XIII вв. – СПб., 2003. – С. 155.
- ³³ Там же. – С. 170.
- ³⁴ Там же. – С. 173.
- ³⁵ Коваленко В.П., Пуцко В.Г. Византийская резная иконка – С. 269.
- ³⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. Вып. 2 // САИ. – Вып. Е1 36. – М., 1966. – С. 12-13.
- ³⁷ Шекун А.В. Указ. соч. – Рис. 62. 1.
- ³⁸ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие: лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. // САИ. – Вып. Е1 36. – М., 1966. – С. 72-73, 84.
- ³⁹ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. – Вып. Е1 36. – Л., 1973. – С. 66.

- ⁴⁰ Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. – Тр. ГИМ. – Вып. 43. – М., 1967 – С. 158; Сергеева З.М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси // КСИА. – 1977 – Вып. 50. – С. 34-35.
- ⁴¹ Медведев А.Ф. Древнерусские писала X-XV вв. // СА. – 1960. – № 2. – С. 76.
- ⁴² Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М., 1981. – С. 158; Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. – М., 1990. – С. 74.
- ⁴³ Седова М.В. – Указ.соч. – С. 144.
- ⁴⁴ Лесман Ю.М. – Указ.соч. – С. 54.
- ⁴⁵ Седова М.В. – Указ.соч. – Рис. 42. 8; Сумина И.А. Металлические перстни из средневекового Белозерья // Археологический сборник. – Тр. ГИМ. – Вып. 111. – М., 1999. – С. 170-171.
- ⁴⁶ Колчин Б.А. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 163.
- ⁴⁷ Там же. – С. 162.
- ⁴⁸ Шекун А.В. Указ.соч. – Рис. 66, рис. 75.
- ⁴⁹ Колчин Б.А. – Указ. соч. – С. 166.
- ⁵⁰ Шекун А.В. Указ.соч. – С. 20 – 23.
- ⁵¹ Шекун А.В., Кузнецов Г.А. Работы в Чернигове // АО 1982. – М., 1984. – С. 343.
- ⁵² Коваленко В.П. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. – К., 1988. – С. 26; Бланкоф Ж. Чернігів – суперник Києва? (з приводу його міського розвитку) // Чернігівська старовина. – Чернігів, 1992. – С. 12.
- ⁵³ Казаков А.Л. Чернігів IX-XIII ст. в контексті археологічних джерел // Сумська старовина. – 2006. – №№ XVIII-XIX. – С. 27-28.
- ⁵⁴ Казаков А., Черненко Е. Черниговский детинец IX-XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. – Чернігів, 2007 – С. 121.